

Национальная идеология и элита.

Устами заместителя главы администрации президента России Владислава Суркова власть в очередной раз напомнила о проблеме национальной идеологии. Как правило, подобные высказывания свидетельствуют о том, что «не все в порядке в королевстве Датском», что власть испытывает серьезные проблемы, что вместо света, в конце туннеля обозначился тупик. Такие проблемы возникают не каждый день, поэтому и о национальной идеологии власть вспоминает не часто. Особенностью же нынешнего пароксизма является желание власти рассматривать идеологию, как язык.

К сожалению, судя по выступлениям Суркова, в представлении тех, кто сегодня вновь заговорил о важности и необходимости национальной идеологии, идеологический язык есть нечто искусственное, что-то вроде алгоритмического языка программирования, или, на худой конец, эсперанто. Такой язык можно придумать, выучить самому, а при необходимости и побудить выучить окружающих... Однако нельзя не заметить, что такое представление есть просто калька с представлений об идеологическом языке бытовавших еще в советское время. Как мы все хорошо помним, наивысшим достижением идеологического языка большевистского помолла стал приснопамятный «Кодекс строителя коммунизма». Нечто подобное уготовано и нынешним идеологам, в случае, если они не сумеют покинуть колею проложенную их коллегами из страны победившего социализма (в самом деле, чем, собственно, «суверенная» демократия лучше «социалистической» или «народной») и не изменят своих представлений об идеологическом языке. Первым шагом к этому, разумеется, должно стать понимание естественности идеологического языка. В обществе этот язык существует всегда. Более того, одновременно существует множество идеологических языков, поскольку идеологический язык это способ коммуникации между носителями близких мировоззрений. Поэтому сверх задачей является не создание, а поиск среди уже существующих такого идеологического языка, который был бы наиболее адекватен решению стоящих перед нацией задач.

И тут возникает вопрос: всегда ли во множестве существующих идеологических языков можно найти нужный? К сожалению, нет. Проблема в том, что идеологический язык появляется только в том случае, когда из разрозненных носителей той или иной идеологии конденсируется неформальное сообщество (идеологическая страта). Собственно говоря, идеологический язык есть ни что иное, как коммуникативное средство, обеспечивающее существование идеологических страт. Социализация такого языка возможна через предоставление членам сообщества доступа к общенациональным коммуникационным средствам. Однако равенство возможностей доступа создает преимущество для того языка, который отражает мировоззрение большинства нации, что хорошо, когда большинство исповедует идеологию пригодную для решения общенациональных задач (адекватную идеологию), но создает порой непреодолимые проблемы, когда носителем адекватной идеологии является меньшинство. Еще хуже обстоит дело, когда носители адекватной идеологии по тем или иным причинам не образуют

вышеупомянутого неформального сообщества (при этом мы исходим из предположения, что на индивидуальном уровне носители адекватной идеологии всегда наличествуют в обществе).

Чтобы лучше представить себе эту ситуацию, рассмотрим пирамидальную структуру общества (Рис.1). В первом приближении общественную пирамиду можно поделить на две неравные части: нижнюю и большую ее часть занимает простой народ, а верхнюю – элита. При этом если нижняя часть стратифицирована неустойчиво, причудливо, и слабо выражено (различные идеологии выделены цветами), то по мере продвижения к вершине мы наблюдаем упорядочивание и стабилизацию страт. Это объясняется тем, что верхние слои общественной пирамиды относительно малочисленны, более однородны в культурном смысле, и сильно локализованы в пространстве. Кроме того, по мере продвижения к вершине ухудшается вертикальная мобильность в обществе, что отражается в горизонтализации страт. Все это способствует тому, что в элитных слоях стратификация (образование неформальных сообществ) существенно более вероятна, чем в нижних слоях общественной пирамиды. Поэтому малочисленные страты, как правило, возникают именно в среде элиты. И если в обществе не представлены страты носителей тех или иных стратифицирующих признаков, то это однозначно указывает на то, что индивидуальные носители этих признаков плохо представлены в элите. Если же речь идет о непредставленности в элите носителей адекватной идеологии, то это указывает на наличие глубочайшего общественного кризиса, выход из которого связан с обновлением элиты.

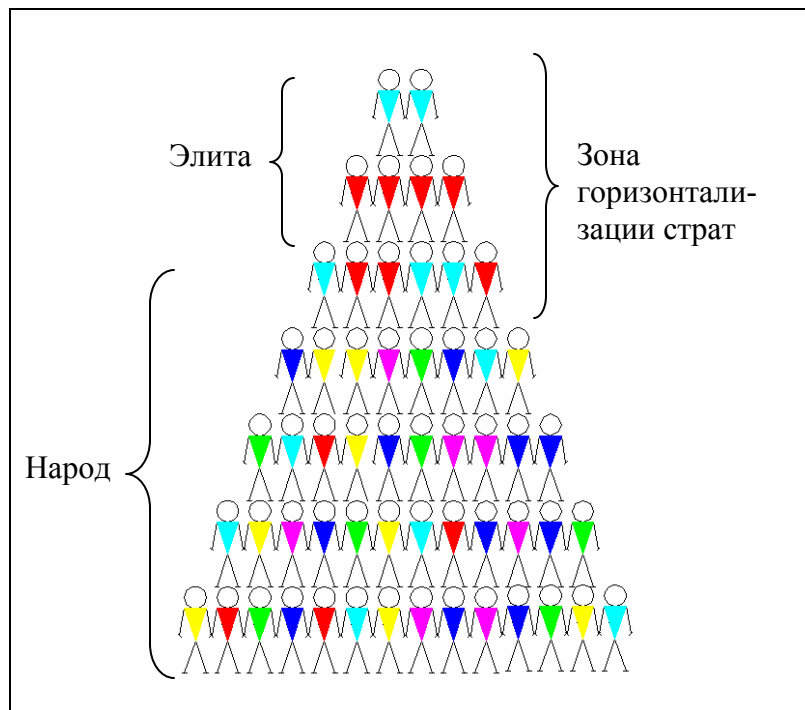

Рисунок 1: Общественная пирамида.

Теперь обратимся к рассмотрению идеологических страт, существующих сегодня в российском обществе, с тем, чтобы определить есть ли среди них сообщества, идеология которых адекватна современным вызовам.

В современном российском обществе можно выделить 6 общественно значимых групп страт.

Во-первых, это группа страт националистического¹ толка. Она многочисленна и представлена как на уровне элиты, так и на уровне простого народа. Основой ее идеологии является идея идентификации «свой/чужой» по национальному (как вариант, религиозному) принципу. По своим потенциальным последствиям эта идеология абсолютно деструктивна и опасна для многонационального российского государства, поскольку логическим ее следствием является «война всех против всех».

Державно-патриотическая группа страт не так многочисленна, как националистическая, но более однородна и поэтому идеологически более внятна. Мировоззрение базируется на примате общенациональных задач над локальными. Тяготеет к авторитарно-тоталитарной модели управления. Идеология этой группы характерна как для элиты, так и для простого народа.

Приверженцы государственно-патерналистской идеологии (или идеологии социального иждивенчества) составляют группу страт объединенных идей делегирования государству всех прав вместе с обязанностью «тотальной» заботы о своих подданных. Представлена в основном в нижней части общественной пирамиды.

Невнятность идеологии представителей либеральной группы страт делает их идеологический язык малопривлекательным для общества. Эта группа в основном представлена в элите.

Весьма обширной по составу является группа криминальных страт со своим давно наработанным языком «понятий». Эта группа оказывает огромное негативное влияние на идеологическое состояние нации. Представлена практически полностью в «народной» части общества.

И, наконец, группа страт, которую мы назовем «просоветской». Это, пожалуй, самая крупная по численности группа, которую составляют люди, чье мировоззрение сформировано еще в советское время и с тех пор не претерпело сколько-нибудь существенных изменений. Исторических перспектив у этой группы нет, но сегодня, несмотря на разнородность состава, она оказывает очень сильное влияние на формирование идеологического языка. И это очень вредно сказывается на идеологическом климате общества, поскольку деятельность этой группы направлена на реанимацию советской идеологии, недееспособность которой

---

¹ Здесь «националистический» от слова «национальность», а не «нация».

установлена исторически. Эта группа равнопредставлена, как в верхней, так и в нижней части общественной пирамиды.

Разумеется, выделенные группы не являются изолированными – они пересекаются друг с другом, имеют общие признаки, и т.д. Их общественная значимость определяется тем, что все они, за исключением криминальной группы, имеют доступ к национальным коммуникационным средствам и, следовательно, могут конкурировать за участие в формировании общенационального идеологического языка. Что касается криминальной группы, то она формирует идеологию и идеологический язык непосредственно на бытовом уровне, что, имея в виду ее многочисленность, тоже достаточно эффективно.

Даже без проведения детального анализа, видно, что перечисленные группы страт по разным причинам не способны выдвинуть идеологию, базируясь на которой можно было бы успешно решать спектр общенациональных задач (формирование хорошо структурированного гражданского общества, устойчивой политической системы, эффективной власти, и т.д.). Какие то перспективы можно разглядеть, пожалуй, только у державно-патриотической и либеральной групп. Но в нынешнем своем состоянии они весьма далеки от возможности реализации этой перспективы. Другими словами, мы стоим перед реальностью отсутствия среди множества наличествующих идеологических языков языка адекватного, как теперь принято выражаться, «стоящим перед Россией вызовом», а это значит, что Россия сегодня стоит перед необходимостью смены элиты.

Мировая практика знает всего один способ достаточно быстрого обновления элиты – это революция. И хотя революция всегда сопряжена с невероятным количеством людских трагедий, она совершенно не гарантирует, что пришедшая на смену новая элита будет обладать теми желанными качествами, которые хоть как-то могли бы оправдать издержки революции. Поэтому необходимо признать, что революция, в качестве метода ротации элиты, малопригодна вообще и для условий нынешней России, в частности.

Основной способ, который использовался и используется для формирования и ротации элиты в странах с европейским типом политической культуры (например, страны Западной Европы, США, и пр.) – это механизм вертикальной мобильности. В зависимости от эффективности его работы воспроизводится различного качества элита. Именно благодаря высокой эффективности работы механизма вертикальной мобильности, в США – стране с весьма проблемной культурой, качество элиты ни только не уступает, но и превосходит качество элит развитых европейских стран. Тем не менее, опыта целенаправленного управления эффективностью этого механизма в мире нет, а тот механизм, который естественным образом сложился к настоящему времени в России, абсолютно не эффективен. Это становится понятным, если вспомнить какой уровень коррупции наблюдается в стране. А ведь коррупция является безошибочным индикатором неработоспособности механизма вертикальной мобильности. Чем выше уровень коррупции, тем больший «коррупционный налог» взимается за возможность вертикальной мобильности, а

значит, тем более она подавлена. Заторможенность вертикальной мобильности в российском государстве и обществе еще раз указывает на серьезный общественный кризис с неясными перспективами его разрешения.

Для того чтобы процесс смены элит не пошел по революционному сценарию (а сегодняшнее состояние российского общества таково, что в случае самотека событий, альтернативы революции просто нет), ближайшим образом необходимо достигнуть общественного согласия, или даже компромисса, по этому вопросу. Суть компромисса заключается в том, что элита, осознавая собственную идеологическую недееспособность и, как следствие, неизбежность своего ухода, из двух возможных моделей поведения - сопротивления или участия, выбирает последнюю, исходя из пагубности для себя развития событий по революционному сценарию. В свою очередь, общество, понимая важность участия элиты в процессе собственной смены², соглашается на постепенность, даже некоторую растянутость процесса, с тем, чтобы нынешняя элита успела адаптироваться к изменениям. Другими словами, общество должно предоставить элите гарантии того, что уход не будет сопряжен для нее с катастрофическими последствиями.

Такая формула компромисса позволила бы наиболее полным образом учесть интересы, как российского общества, так и элиты, а сама задача ротации элиты могла бы стать своеобразной «тактической» национальной идеей, реализация которой в срок 8-10 лет могла бы не только существенно расширить возможности выбора национальной идеологии, но и наработать механизм цивилизованных, не конфронтационных отношений между элитой и обществом. И уже тогда, после смены элиты, можно было бы говорить о формировании новых, более адекватных идеологических страт и наработке идеологического языка нации.

Перспектива заключения соглашения между обществом и элитой всецело находится в руках государства, поскольку сегодня у общества нет других институтов, которым можно было бы делегировать право заниматься подобного рода соглашениями. Поэтому только от власти зависит: свернет ли Россия с пути, ведущем в пучину революционных потрясений, или окажутся правы те, кто сегодня предрекает неизбежный закат и развал «Третьего Рима».

Если спроецировать проблему смены элиты на сегодняшнюю политическую ситуацию в стране, то характерная точка, точка бифуркации на линии исторического пути России, может оказаться заданной выбором, который сделает власть в вопросе о будущем президента Путина. Пролонгация президентских полномочий на третий срок, равно, как и любая, специально изобретенная для него должность «а-ля Дэн», означала бы окончательное установление примата корпоративных интересов нынешней российской элиты над общенациональными интересами. Поэтому Путин, если он, действительно, действует в интересах

---

² Поскольку эволюционный путь ротации элиты подразумевает эффективную работу механизма вертикальной мобильности, то и участие элиты в процессе собственной смены заключается, главным образом, в поддержке наработки и последующего ввода в действие эффективного механизма вертикальной мобильности.

российской нации, должен уйти после окончания своего президентского срока и стать политиком «на общих основаниях». Впрочем, одного этого недостаточно: для того, чтобы перевести локомотив истории на рельсы возрождения российской нации нужно еще успеть до новых выборов инициировать диалог «власть-элита», результатом которого должно стать разблокирование механизма вертикальной мобильности и начало процесса ротации элиты.

Сентябрь 2006.